

АРХЕТИП МИФОНИМА ХУЦАУ В РЕЛИГИОЗНО-МИФОЛОГИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЯХ ОСЕТИН

Таказов Ф.М.

ФГБУН Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНИЦ РАН и Правительства РСО-Алания, г. Владикавказ, пр. Мира, 10), e-mail: fedar@mail.ru

Данная статья посвящена анализу архетипа мифонима Хуцау 'Бог' в религиозно-мифологических воззрениях осетин. Образ Хуцауа занимает значительное место в мифологии осетин. Однако до сих пор образ Хуцауа не становился объектом исследования. На образ Хуцауа определенное влияние оказали кавказские религиозно-мифологические верования, христианство и мусульманство. В то же время основной мифологический пласт мифонима Хуцау относится к древнеиранскому наследию. На основе фактического материала проанализированы условия формирования образа Хуцау. Анализ мифонима позволяет выявить архетип образа Хуцау, что, безусловно, дает возможность реконструировать религиозно-мифологическую картину мира осетин. Результаты исследования позволяют определить значимость мифонима Хуцау как мифологического архетипа в религиозно-мифологических воззрениях осетин. Материалы исследования могут быть применимы при изучении религиозно-мифологических воззрений, фольклора и этнографии осетин.

Ключевые слова: мифоним, религиозно-мифологические воззрения, Хуцау, архетип, мифология, фольклор.

ARCHETYPE MIFONIMA HUTSAW (GOD) IN RELIGIOUS AND MYTHOLOGICAL VIEWS OF OSSETIANS

Takazov F.M.

North Ossetian Institute of Humanitarian and Social Research name V.I. Abaev VSC RAS and the Government of Republic of North Ossetia-Alania (362040, Vladikavkaz, Mira, 10), fedar@mail.ru

This article is devoted to the analysis of the archetype mifonim Hutsaw 'God' in the religious and mythological views of the Ossetians. Hutsau image has a significant place in the mythology of the Ossetians. However, until now the image Hutsaua not become the object of study. On the way Hutsau some impact Caucasian religious and mythological beliefs, Christianity and Islam. At the same time, the major mythological layer mifonim Hutz refers to the ancient Iranian heritage. On the basis of the factual material analyzed the conditions of forming the image Hutsaw. The analysis reveals mifonim archetype image Hutsaw, which certainly makes it possible to reconstruct the religious and mythological world view Ossetians. The results of the study allow us to determine the significance of mifonim Hutsaw as the mythological archetype in religious and mythological views of the Ossetians. Research materials may be useful in the study of religious and mythological beliefs, folklore and ethnography of the Ossetians.

Keywords: mifonim, religious and mythological beliefs, Hutsaw, archetype, mythology, folklore.

Религиозно-мифологические воззрения осетин формировались на протяжении многих веков. Они имеют различные пласты, возникшие в разные эпохи в различных социально-политических условиях и в разной этнической среде. Наиболее явственно проступают 4 пласта, оказавших определенное влияние на всю религиозно-мифологическую систему осетин.

К древнейшему пласту, который можно назвать и основой всей религиозно-мифологической системы осетин, относится к древнеиранской эпохе. Изучая истоки религиозных верований осетин, нетрудно разглядеть в них пережитки почти всех древних форм религии. Так, многочисленные примеры из быта и фольклора свидетельствуют о значительном распространении среди народа в прошлом тотемических верований, а также

связанные с тотемизмом суеверные представления о некоторых птицах (ласточке, орле, вороне, сове и др.). Определенное место в древних верованиях осетин занимал фетишизм. "Каждая семья имеет свой уважаемый предмет, которого втайне боится и которому оказывает глубокое уважение", – отмечал Н.Ф. Дубровин [7]. В культе очага яркое проявление получил культ предков. Очаг становился святилищем семьи, алтарем, у которого потомки приносили предкам жертвы, посвящали им поминальную пищу. Кроме того, очаг выполнял функцию жертвенника в религиозном культе осетин [13].

Следующим большим разделом религии осетин являются "хозяйственные" культы. Осетины как древний земледельческий народ создали множество земледельческих обрядов и поверий. Земледельческий труд породил и божества – покровителей, среди которых главным является Уацилла. У осетин был развит также скотоводческий культ. Скотоводческое хозяйство породило многочисленные верования и обряды. Культ скотоводов включал в себя некоторые обряды, призванные магическими действиями "способствовать" увеличению поголовья скота, оградить животных от падежа и "дурного глаза" и пр. В числе хозяйственных культов осетин большой интерес представляет культ охоты. Последний интересен прежде всего тем, что он как древнейший культ сохранил и самые древние черты религиозного мировоззрения осетин. Некоторые архаические обряды, связанные с охотой, сохранились в своей первобытной чистоте до недавнего времени [12].

На ранние формы религиозных представлений осетин, относящихся к древнеиранскому пласту, огромное влияние оказал и кавказский субстратный элемент. Религиозные верования, которые сложились у осетин на кавказской почве, отличаются весьма близким сходством с верованиями кавказских народов. Это отмечают в своих исследованиях многие кавказоведы [8, 10, 11].

Ко времени начала христианизации и мусульманизации населения после присоединения Осетии к России религиозно-мифологическая система осетин достигла своего апогея. К тому времени она уже имела стройную систему, которая была едина для всех осетинских обществ. Единство системы религиозно-мифологических воззрений прослеживается во всех сферах жизни осетин. Даже те религиозные обряды, которые были характерны только для конкретного ущелья, села и даже рода, не выходили за рамки общесетинской религиозно-мифологической системы.

В то же время на традиционные верования огромное влияние оказало раннее христианство. Как отмечал В. И. Абаев, десять веков христианства не могли пройти бесследно. На старые верования наложился мощный слой христианской терминологии и обрядности [1]. Многие мифологические образы приобрели христианскую оболочку, присвоив христианские наименования: "Уастырджи/Уасгерги" (св. Георгий), "Уацилла" (св.

Илья), "Уас Никкола" (св. Николай), "Фæлвæра" (св. Флор и Лавр), "Мыкалгабыртæ" (св. Михаил и Гавриил), "Мады Майрæм" (Богоматерь). Под влиянием христианства среди осетин утвердились некоторые праздники. Но, будучи христианскими по названию, эти праздники по своему содержанию восходят к древнейшему пласту религиозно-мифологической системы осетин. Ранний период христианизации алан-осетин протекал на протяжении многих веков (VI–X) [10]. Однако и в тот период, по свидетельству средневековых авторов, непосредственно побывавших у алан, христианство получило слабое развитие, а среди населения преобладали дохристианские верования. Так, Вильгельм де Рубрук писал, что "аланы – христиане по греческому обряду, имеющие греческие письмены и греческих священников... не знали ничего, имеющего отношение к христианскому обряду, за исключением только имени Христова" [9].

Фактически, христианские элементы, заимствованные еще в аланскую эпоху, растворились в традиционной религиозно-мифологической системе. Второй этап распространения христианства также слабо затронул основу религиозно-мифологической системы осетин. «Нужно сознаться, однако, что христианство до сих пор коснулось осетин самым поверхностным образом и, притом не своей внутренней нравственной стороной, а лишь внешней обрядностью», – отмечал В.Ф.Миллер [14].

Следующий пласт относится к влиянию ислама. Но влияние мусульманской религии, с которым осетины познакомились довольно рано, было еще более поверхностным.

Влиянию христианства и ислама, безусловно, подвергся и образ *Хуцауа*, хотя в своей основе он сохранил первоначальные архетипы.

Хуыцау/Хуцау (Бог) – властитель над всеми, творец земли и человека, небожитель, невидимое для людей существо, единый Бог, обителью которому служит мировой свет. Идея Бога в осетинском сознании, согласно его религиозно-мифологическим воззрениям, во многом расходится с ортодоксальным религиозно-богословским представлением о нем. Если в Зороастризме, христианстве и исламе имеет место осознание противоположности света и тьмы, "чистого" и "нечистого", добра и зла, носителями которых являются Ахура Мазда и Анхра-Майнью, Бог и Люцифер, Аллах и Иблис (Даджджал), то осетинскому *Хуцау* явная оппозиция не сформировалась. Весь сонм божеств и святых в осетинских религиозно-мифологических воззрениях находится в сфере его влияния.

Нартовские герои общаются с *Хуцау*. В осетинской мифологии *Хуцау* – невидимое божество, все роднятся с ним. Так, нарт Бора женится на его племяннице. Он доступен им и в ряде других случаев. *Хуцау* все видит и все знает о происходящем на земле и осуществляет свою власть через сонм зэдов, дауагов, птиц. Особенно близок к нему Уастырджи, он часто обращается и к Уацилла. В нартовских сказаниях *Хуцау* живет на небе и к нему

направляются туда, в его двор. *Хуцау* – главный атрибут в спорах на небесах, держатель справедливости и добродетели. Он часто приходит на помощь небожителям в борьбе с нартами. *Хуцау* наслал на Батраза Солнце и он погиб, также и с Сосланом. Вместе с тем, пока *Хуцау* не уронил на Батраза три слезы, зэды и дуаги не могли внести его в склеп. *Хуцау* упрекает Уастырджи, что тот помогает ворами. И когда нарты похитили сестру трех братьев-уаигов, а в придачу прихватили еще и их скот, он отказывает Уастырджи в его просьбе помочь угонщикам. *Хуцау* отказывает, но потом идет навстречу просьбе с одним условием, что Уастырджи устроит все так, чтобы восторжествовала справедливость. Когда нарты подняли косяки своих дверей по совету Сирдона (чтобы *Хуцау* не подумал, что нарты ему поклоняются), *Хуцау* долго уговаривал их, чтобы они одумались. Нарты были непреклонны в своем противостоянии, и тогда он покарал их, с тех пор сколько бы копен хлеба они не обмолачивали, больше одного мешка зерна не получали, нарты погибли голодной смертью, которую наслал на них *Хуцау*.

Хуцау – высшее невидимое существо, единый Бог. По представлению осетин мировой свет – обитель *Хуцауа*.

«Хуцау ахецаен цаераен бунат исаккаг кодта аегас дуйней рохси.

Дуйней рохси къабазтае – тухтае аенцае: арв, дунгае, заенхае, дон ама зинг.

Арв Хуцауи хадзарæ ай; заенха – е ‘ранцайаен, æ тургъæ, е ‘взураен; дунга – æ уод, æ рафецауаентае, æ хатæндаенттае; дон, зинг – æ сугъдаггаенаг, æ цардаæвзарæг.»

«Бог местом своей обители выбрал свет вселенной.

Лучами (букв. ветвями) вселенского света являются силы: небо, ветер, земля, вода и огонь.

Небо является жилищем Бога, земля – его опорой, его истоком; ветер – его духом, его путями, его местами для походов; вода, огонь – орудием для освящения (очищения), (орудием) для выбора жизни» [15].

Проявлений *Хуцауа* бесчисленное множество. Одно из этих проявлений – *Хуыцауы Дзуар* ‘Божественный дух’ – покровитель браков и чадородия. *Хуыцауы Дзуарамы*, как правило, называют святилища в честь *Хуыцауа*. К нему вели молодоженов, просили его, чтобы он дарил благодать и помощь, чтобы они никогда не были огорчены друг другом. Время справления праздника в разных ущельях разное. В самом популярном святилище *Хуыцауы Дзуара* в с. Даргавс он отмечается спустя неделю после праздника Кахцганан (в 2004 г. – 25 июня). *Дзуары лагтае* ‘жрецы’, ведя с собой предназначенного для жертвы быка, обходили селения подворно, собирая солод для пива. Готовое пиво молодые женщины носили к месту торжественной трапезы – найфат, как правило, расположенный на высоком склоне. В рамках всего ущелья отмечался праздник в честь *Хуыцауы дзуар* в с. Лац

Куртатинского ущелья (скачки, игры, танцы). К *Хуыцауы дзуар* не разрешали приходить с оружием, полагалось слезть с коня, снимать шапку, подходя к нему. В Тагаурии *Хуыцауы дзуар* чествовали в конце июля, а в Центральной Осетии – одновременно с праздником *Ичъына* ‘ежегодный праздник скотоводческого цикла’.

Но для выявления архетипа *Хуцауа* недостаточен анализ мифов, отражающих его образ. Часто в языковом сознании миф проявляется через мифоним. В таких случаях мифоним становится ключом для выявления архетипа. Потому и для архетипа *Хуцау* ключевой составляющей является его мифоним.

В.И.Абаев считает *Хуцау* заимствованием из кавказских языков, где он находит ряд сакральных терминов, восходящих к данной основе. Но, понимая шаткость своей гипотезы, В.И.Абаев предполагает возможность контаминации кавказского *хуса с иранским *xutaw*, или с осетинским *xisaw* ‘господин’ [3]. Для обоснования своей гипотезы В.И.Абаев исходит из того, что «идея единого бога вошла в духовный мир алан с христианством», что представляется малоубедительным, т.к. в древнеиранском языке, к которому относится и осетинский язык [6], фиксируется слово *Vaga* в значение «Бог». Древнеиранское наименование Бога «*Vaga*» первоначально имело значение ‘наделяющий’. В значении ‘Бог’ «*Vaga*» употребляется во многих славянских языках, а также в др.-индийском, авестийском и современном мордовском [17]. В современных же иранских, в частности – в осетинском, персидском и некоторых других языках, вместо «*Vaga*» употребляется «*Хуцау*» ‘Бог’ – в осетинском, «*Xudā*» ‘Бог’ – в персидском (фарси), «*Худа*» ‘Бог’ – в татском. В каждом из этих языков есть немало производных от *Хуцау* – *Xudā* – *Худа* словообразований, но в данном случае они вторичны и нет необходимости приводить их.

Можно было бы предположить, что в осетинском *Хуцау* мы имеем словообразование из «*ху*» + «*ау*», где «*ху*» возможно предполагает позитив **huva-* от *hū ‘приводить в движение, в действие’ [3], «*-ау*» – уподобительный падеж, а «*-у-*» – вставка между гласными. В таком случае «*Хуцау*» буквально обозначало бы ‘подобно тому, кто приводит в движение, в действие’. Однако этому препятствует наличие основы *xuta-* в Авесте.

Основа *хуса* в значении ‘Бог’ бытует в авестийских текстах в форме *Xutawosa* ‘жена царя Виштаспы, покровительница Заратуштры’ [4], неотделимая от осетинского *хусаи*. *Xutawosa* буквально переводится как ‘богиня’, от *xuta-* ‘бог’ + *wosa* ‘женщина’. В современном осетинском языке «богиня» обозначается словом «*уосХуцау*», от *уоса* ‘женщина’ + «*Хуцау*» ‘бог’ [16].

При этимологизации мифонимов, каковым является и «*Хуцау*», необходимо учитывать, в первую очередь, мифологию народа, в котором бытует рассматриваемое имя. Мифонимы сохраняют архетипы, независимо от эволюции и позднейших напластований. Учитывая, что

в осетинских религиозно-мифологических воззрениях утеряно исконно иранское наименование бога *'baga'*, можно предположить, что заменившее его осетинское *'хисау'* изначально употреблялся как эпитет *baga*, со временем вытеснив его.

В таком контексте можно допустить, что *хисау* образуется от *'hu'* + *'cau'*, где первый компонент *'hu'* восходит к древнеиранскому **hu-*, из индоевропейского **su-* 'рождать', 'производить на свет' [5] или от **hū* 'приводить в движение, в действие' + *'cau'* [Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. IV. Л., 1989. – 326 с., с. 204]. Во втором компоненте *'cau'*, учитывая иранские параллели (фарси – *«Xudā»*, Авеста – *«Xuta»*), следует также видеть *t-* вместо *c-*. Форма *tau-* же восходит к древнеиранскому **tava* 'сила, мощь', просматриваемый в термине *idawæg / dawæg* 'божество, дух-покровитель людей и животных'. Согласно В.И. Абаеву *idawæg* восходит к *vi-tāvaka-* и означает буквально 'сила, носитель силы' от древнеиранского *tav-* 'быть сильным' [1].

В.И. Абаев отрицает возведение *Хуцау* к основе **tava-*, мотивируя свою позицию отсутствием в осетинском языке примеров с переходом *t → c*, за исключением *ti-*: *аццæ / ацц* ← **āti-* [2]. Но, во-первых, в осетинском языке не так много слов с *ц* перед *а*, не в начальной позиции, чтобы можно было проследить возможные исторические эквиваленты. Во-вторых, не так много слов в осетинском языке, в которых окончание – *ау* – результат фонетических изменений, а не современное падежное окончание. В-третьих, в осетинском ономастиконе есть пример перебоя *t → c*. В истории Осетии хорошо известна фамилия *Царазон*, к которому восходит и Давид-Сослан, соправитель грузинской царицы Тамары. В Дигории же *Царазон* произносятся как *Таразон*. Кроме того, как утверждает сам В.И. Абаев, нельзя исключать контаминацию *хисау* с осетинским *хисау / хесау* 'хозяин'.

Таким образом, в первом случае – *hu* 'рождать, производить на свет' + *tava* – *Хуцау* буквально переводится как 'рождающая, производящая сила'. Во втором случае – *hu* 'приводить в движение, в действие' + *tava* – буквальный перевод *Хуцау* будет звучать как 'сила, приводящая в движение'.

Каждый из этих вариантов согласуется с мифологическим образом *Хуцау*, который в религиозно-мифологических верованиях осетин воспринимается как творец, приводящий все в движение.

Таким образом, мифоним *Хуцау* воспроизводит мифологический архетип образа.

Список литературы

1. Абаев В. И. Дохристианская религия алан // Абаев В. И. Избранные труды. Религия. Фольклор. Литература. Владикавказ, 1990.

2. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. Л., 1957.
3. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. IV. Л., 1989.
4. Авеста. Избранные гимны из Видевдата / Перевод И. Стеблин-Каменского. М., 1993.
5. Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Т. II. Тбилиси, 1984.
6. Гацалова Л.Б., Парсиева Л.К. Большой русско-осетинский словарь. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2011.
7. Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1. Кн. 1. СПб., 1871.
8. Инал-Ипа Ш. Д.. К абхазо-осетинским культурным связям // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967. С. 47-51.
9. Калоев Б. А. Осетины глазами русских и иностранных путешественников. Орджоникидзе, 1967.
10. Калоев Б. А. Осетины. М., 1971.
11. Лавров Л. И. Домусульманские верования адыгейцев и кабардинцев // Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. М., 1959. С. 117–126.
12. Магомедов А. Х. Общественный строй и быт осетин (XVII–XIX вв.). Орджоникидзе, 1974.
13. Магомедов А.Х. Культура и быт осетинского народа. Орджоникидзе, 1968.
14. Миллер Вс. В горах Осетии. Владикавказ, 1998.
15. Нартаѳ. Мифология и эпос на дигорском языке / Составители А.Я. Кибиров и Э.Б. Скодтаев. Владикавказ, 2005.
16. Таказов Ф.М. Дигорско-русский словарь. Владикавказ, 2003.
17. Фасмер М.Р. Этимологический словарь русского языка. Т. 1. М., 1964.

Рецензенты:

Фидарова Р.Я., д.фил.н., главный научный сотрудник отдела фольклора и литературы ФГБУН Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНИЦ РАН и Правительства РСО-А, г. Владикавказ.

Парсиева Л.К., д.фил.н., ведущий научный сотрудник отдела осетинского языкознания ФГБУН Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНИЦ РАН и Правительства РСО-Алания, г. Владикавказ.